

К Р И Т И К А.

I.

Гомперцъ. Учение о мировоззрѣніи. Т. I. Методологія. (Библиограф. совр. фил. вѣку IX. стр. 1—568) СПб. 1912 г.

Гомперцъ извѣстенъ больше какъ авторъ классическихъ работъ по греческой философіи. (Есть русскій переводъ: „Греческіе мыслители“, т. I и „Жизнепониманіе греческихъ философовъ“). Вышедшій на русскомъ языкѣ первый томъ „Ученія о мировоззрѣніи“ вскрываетъ предъ нами одну изъ новыхъ формъ, такъ называемой, „міросозерцательной философіи“ (Philosophische Weltanschauung). Правда, первый томъ—вводный и въ немъ лишь предвѣстіе стройной системы мировоззрѣнія. Но и онъ внятно говоритъ: а) чѣмъ хочетъ быть эта система и б) каковъ ея подлинный ликъ.

Гомперцъ называетъ свою систему „патэмпиризмомъ“. Придавая большое значеніе семасіологіи вообще, онъ попытался этимъ сочетаніемъ словъ выразить сущность своего ученія. Патэмпиризмъ,—какъ всякій эмпиризмъ, хочетъ быть философіей чистаго опыта. Но понятіе опыта „многозначно“ и „проблематично“. Опытъ неминуемо распадается на содержаніе и форму. Въ „эмпиризмѣ“ запечатлѣно содержаніе опыта, характеръ этого содержанія: опытъ—всегда чувственный опытъ: какъ содержаніе—онъ выступаетъ въ сознаніи въ видѣ представленій.

Форма опыта, ея характеръ запечатлѣны въ первой половинѣ слова: *πάθος*—чувство. Всякая форма опыта—есть чувство. Такимъ образомъ, самое слово „патэмпиризмъ“ (*πάθος + εμπειρία*) уясняетъ составъ опыта, и отсюда—сущность фило-

софій опыта. Всякій опытъ—синтезъ содержанія и формы, представленія и чувства. Патэмпиризмъ пересказываетъ въ психологическихъ терминахъ кантовское ученіе объ опытѣ, какъ синтезъ разсудка и чувственности. Если для Канта соотносительны: интуиція (содержаніе) и понятія (форма), то для Гомперца „нѣтъ представленія (содержанія) безъ чувства (формы) и нѣтъ чувства безъ представленія“ (стр. 521).

И, дѣйствительно, Гомперцъ хочетъ преодолѣть Канта, воспринявъ структуру критицизма—заполнить весь „трансцендентальный міръ“ чѣмъ-нибудь реальнымъ.

Содержаніе опыта составляетъ не туманная чувственность, вдобавокъ приводящая къ обманной вещи въ себѣ, а „совокупность представленій“. Причемъ, представленія—чисто-психическія образованія. Представленія въ сознаніи выступаютъ, какъ символъ всякаго возможнаго содержанія опыта. Нѣтъ того непонятнаго разрыва, который совсѣмъ прозраченъ у Канта въ его ученіи о сужденіяхъ воспріятія и сужденіяхъ опыта. Нѣтъ того метафизическаго раздвоенія между объективнымъ содержаніемъ представленія и актомъ представленія. Но если въ содержаніи опыта, въ чувственности, все-таки налично нѣчто реальное, то въ категоріяхъ разсудка—только тѣни, только пустота. Недаромъ знаменитый своими „Комментаріями“ въ „Критикѣ ч. разума“ Файингеръ, не смущаясь, утверждаетъ, что категоріи Канта, какъ и вообще все, что не ощущеніе—лишь фикціи (als ob). Гомперцъ, сводя формы опыта къ чувству, находитъ для категорій психологическіе эквиваленты. Субстанція есть чувство единства (тотальная импрессія). Тождество есть чувство непрерывности „я“ („эндопатическое чувство“). Отношеніе—моментъ „цѣлостнаго впечатлѣнія“. Вообще говоря, степени самопроизвольности чувства рождаютъ то, что мы зовемъ прирожденнымъ и пріобрѣтеннымъ, апріорнымъ и апостериорнымъ, чистымъ и эмпирическимъ (стр. 288).

Итакъ, патэмпиризмъ хочетъ быть философіей чистаго опыта, хочетъ преодолѣть критицизмъ, истолковавъ его психологически. Въ этомъ внутреннемъ хотѣніи—паеосъ патэмпиризма. Онъ кристаллизуется въ установкѣ этаповъ философской мысли, причемъ патэмпиризмъ представляется высшимъ развитіемъ всѣхъ предшествующихъ этаповъ. Патэмпиризмъ органически включаетъ въ себя триаду Канта (тео-

логія, метафізика, позитивизмъ), усовершенствуетъ „Непосредственное знаніе“ Гегеля (метафізика, эмпиризмъ, критицизмъ, непосредственное знаніе), примыкая къ своей предыдущей ступени — критицизму (анимизмъ—метафізика—идеологія—критицизмъ—патэмпиризмъ). Патэмпиризмъ, такимъ образомъ, хочеть быть воплощеніемъ прошлаго философской мысли и чрезъ это хочеть стать философіей будущаго...

Этого „хочеть“ патэмпиризмъ... Что же такое патэмпиризмъ на самомъ дѣлѣ?..

Патэмпиризмъ—новая форма міросозерцательной философіи. Міросозерцательная философія по своей природѣ—видъ научной философіи, хорошо помнящей участь гегельянства. Она разрѣшаетъ вопросы условно, сообразно состоянію науки и культуры. Это—смиреніе; однако, какъ смиреніе научной философіи, таить за собою ту же несокрушимую вѣру въ *необходимость* развитія, ту же интеллектуальную гордыню, которая вдохновляла и философски сгубила Гегеля. Міросозерцательная философія сливается съ тѣми философскими теченіями, въ которыхъ не чувствуется всей неисчерпаемой глубины проблемы трансцендентнаго. Она—форма привычной для современности и модной—имманентной—философіи. Такова природа міросозерцательной философіи, такова природа и патэмпиризма. Внутренняя однородность имманентной философіи, при внѣшней пестротѣ ея, онтологически роднитъ „патэмпиризмъ“ съ чуждыми на первый взглядъ теченіями: родство это идетъ и къ Шуппе съ Лосскимъ и къ Авенариусу съ „философіей естествознанія“.

Итакъ, патэмпиризмъ, по содержанію,—видъ научной философіи, видъ имманентизма въ онтологическомъ значеніи слова.

Формально—патэмпиризмъ, какъ „ученіе о міровоззрѣніи“, или космологія, хочеть устранить противорѣчія въ мысли, хочеть лада мысли. Формально—космологія какъ бы отголосокъ прагматическихъ теченій въ философіи. Достаточно вспомнить Маховское „приспособленіе мыслей къ мыслямъ“, „экономику мышленія“ вообще и въ частности преломленіе этого принципа у позднѣйшихъ эмпириокритицистовъ, напр. Петцольдта, не говоря уже о прагматизмѣ въ узкомъ смыслѣ слова (Джемсъ, Шиллеръ). Но если патэмпиризмъ сродни современнымъ обычнымъ теченіямъ философіи, то въ чемъ его собственный ликъ, какова линія его различія?

Мы уже знаемъ, что патэмпиризмъ идетъ на смѣну критицизму. Онъ отмѣчаетъ его правду и его ложь. Правда критицизма по Гомперцу,—въ принятіи за первое и послѣднее чувственнаго, научнаго опыта. Его-ложь въ трансцендентально-логическомъ обоснованіи опыта. Правда—онтологическая, ложь—методологическая (гносеологическая и психологическая). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ эмпириокритицизмъ. Авенариусъ и явно и тайно борется съ Кантомъ, хотя и называетъ его „Тѣнью Иммануила“. Авенариусъ принимаетъ только чувственный опытъ и хочетъ не обосновывать его нечувственными формами, а описать всякій опытъ, весь опытъ. Въ предѣлѣ, его философія—философія чистаго опыта.—Патэмпиризмъ—пересказъ по иному основъ эмпириокритицизма. Гомперцъ заявляетъ свое полное согласіе съ „гевіальнымъ“ Авенариусомъ. Разница въ методѣ. И методъ ставитъ Гомперца между Кантомъ и Авенариусомъ. Трансцендентально-логическое Гомперцъ хочетъ транспонировать на психологическое, хочетъ свести его, вѣрнѣе, возвратитъ его въ нѣдра опытнаго. Авенариусъ же сводитъ его своей био-механикой къ физиологическому. Разница въ предѣлѣ. Психологическій методъ Гомперца ничуть не враждуетъ съ физиологическимъ, а близится къ нему, боясь слиться съ нимъ просто потому, что *еще рано*, еще не все ясно.

Внутреннюю очевидность, внутреннее доказательство родственности патэмпиризма и эмпириокритицизма раскрываетъ ихъ анализъ состава опыта.

Философія должна быть философіей чистаго опыта. Не только содержаніе, но и формы знанія—опытъ. Не было неопытнаго; теперь оно есть; но его не должно быть. Правда, всякое не трансцендентально-логическое толкованіе критицизма придаетъ „опыту“ широкое значеніе. Такъ, Когенъ въ своей ранней работѣ (*Kants Theorie d. Erfahrung*) сводилъ „Критику чистаго разума“ къ теоріи опыта, но это сведеніе чисто логическое: нужно „все“ найти въ опытѣ, а не то чтобы все было опытомъ. Иное мы видимъ въ эмпириокритицизмѣ и патэмпиризмѣ. Есть двуединный опытъ: опытъ-содержаніе и опытъ—форма, элементы и характеры (Авенариусъ), представленія и чувства (Гомперцъ). Элементы и характеры, представленія и чувства—корреляты. Но есть степени ихъ совпаденія. Отсюда—условно двуединный опытъ м. б. раздѣ-

лень на опытъ, какъ совокупность „элементовъ“, представленій—синтетическое понятіе опыта (Авенаріусъ), перцептивный опытъ (Гомперцъ) и опытъ, какъ совокупность „характеровъ“, чувствъ,—аналитическое понятіе опыта (Авенаріусъ), рецитивный опытъ (Гомперцъ). Идеаль—совпаденіе опытовъ. чистый опытъ. Только въ чистомъ опытѣ—прочный ладъ, прочный строй мыслей. Всѣ богатства жизни—лишь разнообразныя формы совпаденія, или несовпаденія, единицъ-опытовъ. Кантъ былъ правъ, усмотрѣвъ формы опыта въ субъектѣ, но его неправда, точнѣе „недоговоренность“—въ характеристикѣ самаго субъекта, его свойствъ. Соотносительность содержанія и формы опыта остается. Авенаріусъ принялъ „субъектъ“, „я“, какъ биологическую единицу, организмъ (система С). Гомперцъ увидѣлъ въ „субъектѣ“ міръ преимущественно чувствъ. Онъ изгналъ, подобно Гербарту и Авенаріусу, „волю“. Но такъ само чувство „пока—необычное“ сочетаніе только органическаго, то его философія субъекта—философія чувства,—крайне-неустойчива. Психологія для Гомперца „еще“ не біо-механика. Субъектъ „пока“—психологическая единица. Это не значитъ, что формы опыта растворятся въ содержаніи. Наоборотъ. Если Кантъ изгналъ всякое живое „содержаніе“ логическими формами, если у Авенаріуса „элементы“ затоплены „характерами“, то у Гомперца представленія готовы стать представляемыми чувствами.

Но логическое (Кантъ), психологическое (Гомперцъ) и биологическое (Авенаріусъ)—по существу формы одного и того же; онтологически—это философія чувственного, бываемаго, и, въ этомъ смыслѣ,—философія грубо психологистическая. Не напрасно и Канта и Авенаріуса упрекали въ субъективномъ идеализмѣ, хотя цѣнность упрековъ скрывается въ указаніи не гносеологическаго, а онтологическаго психологизма. И гносеологическій психологизмъ самъ по себѣ не даетъ права упрекать Гомперца, если бы за нимъ не скрывался онтологическій психологизмъ, выявляющій сущность патэмпиризма. Что такое психологическая интросекція,—эндопатія Гомперца,—какъ не интросекція Авенаріуса? Что такое „непрерывность я“ (Гомперцъ), какъ не эмпириокритическая координація (Авенаріусъ)? Что такое „уравненіе чувствъ и органическихъ ощущеній“, какъ не эмпириокритическая субституція (Аве-

наріусъ)? Конечно, если подходить къ системамъ для поисковъ гносеологической разницы, то м. б. трудно будетъ усмотрѣть родство Гомперца и Авенаріуса и тѣмъ болѣе Гомперца и Канта. Но вѣдь любая гносеологія—чья-нибудь гносеологія, любая гносеологія, если снять пѣну словъ, становится онтологической гносеологіей. И тогда всякія формы имманентизма, чѣмъ бы ихъ не прикрывать и какъ бы ихъ не наряжать, будутъ онтологически роднящимися. Это онтологическое родство сразу откроетъ лица м. б. враговъ и окажется, что это неузнавшіе другъ друга—друзья, *Такъ и патэмпиризмъ, по своему метафизическому настроенію,—философія научнаго, а не всякаго иного возможнаго опыта.* Поэтому патэмпиризмъ не можетъ исполнить того, чего онъ желаетъ: онъ не можетъ исчерпывающе воплотить въ себя истинно цѣнное прошлаго философіи и не можетъ стать философіей будущаго. Онъ не только вѣритъ въ научный опытъ, но свою вѣру возводитъ въ критерій истины. А, вѣдь, всегда были и всегда будутъ оправданія не научнаго, всякаго иного возможнаго опыта, всегда были и всегда будутъ иные типы философствованія. Считать какое-либо направленіе мысли исчерпывающимъ и единственнымъ — значить вѣрить въ абсолютную необходимость,—возгордившись, подобно Гегелю, сказать: я—абсолютъ. Вѣдь, всегда были и всегда будутъ не только типы эволюціонныхъ, но и диссолюціонныхъ міровоззрѣній. Логически нельзя поборотъ онтологическаго. Но такъ какъ, вообще говоря, *есть* вещное,—чувственное, рождающее онтологическій психологизмъ,—патэмпиризмъ,—отражающій, вещное—условно правъ. Отсюда же вытекаетъ то или иное значеніе патэмпиризма, какъ космотеоріи, какъ гносеологическаго воззрѣнія. Его можно свести къ гносеологическому психологизму, который имѣетъ свои преимущества, сравнительно со всякимъ трансцендентализмомъ. Патэмпиризмъ осозналъ безкровность и холодность критицизма, захотѣлъ крови и тепла, захотѣлъ ощутить бытіе.

И если отчленивъ притязанія патэмпиризма, взять его въ гносеологическомъ разрѣзѣ, какъ жаждущаго жизни и убѣгающаго отъ мертвенности критицизма — онъ пріобрѣтетъ цѣнность, онъ сольется съ иными плодородными полу-психологистическими теченіями. И, конечно, патэмпиризмъ потеряетъ себя самого, свое метафизическое устремленіе, затеряется въ

теченіяхъ мысли, и станетъ не философіей будущаго, а одной изъ формъ смиренной философіи міросозерцанія, своеобразной философіей чувства.

II.

Богдановъ.—Философія живого опыта 1912 г.

Гдѣ идеалы и гдѣ идолы? Трудно, порой невозможно отвѣтить. Въ любомъ обществѣ есть слова-идолы, которые дѣйствительны, которыя свѣтятся, какъ идеалы. Въ современной гносеологіи такое слово-идолъ,—„наивный реализмъ“. Современная гносеологія хочетъ какъ будто бы вплотную подойти къ жизни, хочетъ опроститься. Но это опрощеніе—лицемѣрное, сознательно или безсознательно—все равно. Это опрощеніе—утонченная стилизація. Въ современной метафизикѣ—такое слово-идолъ „жизнь“=„живой опытъ“. И наивный реализмъ и живой опытъ—вскрываютъ тайники жизни, но, превращаясь въ выцвѣтшія слова-идолы, которыя нужны только какъ удобная нитка для бусъ,—они обеззначаваются, становятся избитыми, общимъ говореніемъ-звукомъ, а не словомъ.

„Философія живого опыта“ хочетъ быть не гносеологической забавой, а философіей жизни, философіей труда.

Опытъ—не мертвый опытъ гносеологіи, проблема опыта—не проблема знанія. Опытъ—живой опытъ, проблема опыта—проблема бытія, цѣнность „философіи живого опыта“—въ отрицаніи первенства знанія надъ бытіемъ, въ тоскѣ по жизни. Ея недостатки—въ обрисовкѣ характера самаго бытія,

Богдановъ уже давно въ своихъ книгахъ „Эмпириомонизмъ“ и „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“—пытается оживить эмпириокритицизмъ, ввести его въ сознаніе трудового народа. Уже давно идетъ борьба съ этимъ новымъ врагомъ, съ этимъ „махизмомъ“—со стороны ортодоксальнаго діалектическаго матеріализма Маркса и Энгельса. Если, всплывъ,—затонула философія Дицгена, философія пролетаріата,—то просто потому, что она была зачаточной формой эмпириокритицизма. Эмпириомонизмъ же Богданова—опрощеніе эмпириокритицизма и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его углубленіе.

Что такое живой опытъ и что такое „философія живого опыта“ (эмпириомонизмъ)? Опытъ—не психологическое понятіе, не что-то индивидуалистически-созерцательное. Опытъ и не біологическое понятіе, не что-то социально-созерцательное. Опытъ—понятіе социологическое, нѣчто социально-творческое, дѣятельное. Социологическое понятіе опыта (эмпириомонизмъ)—углубляетъ и расширяетъ біологическое (эмпириокритицизмъ). Оно опредѣляетъ характеръ живого опыта. Бытіе—не „мой“ міръ, бытіе—не природа. Бытіе—хозяйство, бытіе—социально-экономическое творчество. Такъ постепенно суживается понятіе живого опыта, понятіе бытія. Но социологическое понятіе опыта—бытія—въ своей чертѣ даетъ полный просторъ творчеству. Творчество—взаимоотношеніе не гносеологическаго субъекта и объекта, не біологическаго индивидуума и социальной среды. Опытъ—трудъ, дѣйствіе. Трудъ, какъ взаимоотношеніе человѣка и природы, уясняетъ составъ опыта. Неправъ матеріализмъ—замѣчающій только природу, и идеализмъ,—замѣчающій только человѣка. Итакъ, міръ—хозяйство, міръ—экономически-вещное; живой опытъ—социальный трудъ.

Слишкомъ широки и многозначны подобныя опредѣленія природы живого опыта. Поскольку Философія живого опыта—чурается только созерцанія, вводя въ понятіе опыта—моментъ труда, дѣйствія, поскольку здѣсь прагматизмъ въ общемъ смыслѣ слова,—постольку такоепонятіе опыта приемлемо. Даже больше,—трудъ—выражающій составъ опыта, какъ опыта социально-экономическаго, и тѣмъ самымъ обфдняяющій понятіе живого опыта—все еще многозначенъ, или что то же—беззначенъ. „Миръ—хозяйство“—это такое „проблематичное“ опредѣленіе, что его можно толковать по разному. Достаточно сравнить „живой опытъ“, міръ, какъ хозяйство эмпириомонизма, съ „Философіей хозяйства“, С. Н. Булгакова, чтобы ясно почувствовать, что у одного и того же опредѣленія есть и низъ и верхъ.

Такимъ образомъ, понятіе живого опыта, какъ социальнаго бытія,—экономически-вещнаго—все еще невнятно, все еще полунѣмо. И только второй вопросъ—что такое „Философія живого опыта“—выяснить сущность „хозяйства“, сущность трудового-творческаго характера опыта.

Трудъ, какъ дѣйственное взаимоотношеніе человѣка и

природы, логически отпечатлѣвается въ понятіи причинности. Въ этомъ понятіи выявляется скрываемое рабство вещамъ: живой опытъ оказывается чувственно-вещнымъ, научнымъ опытомъ, и разница между эмпириокритицизмомъ и эмпириомонизмомъ—оказывается разницей генетической, а не сущностной. Сознаніе отражаетъ бытіе. Бытіе—хозяйство. Сознаніе—орудіе хозяйства. Первобытное хозяйство на религіозной стадіи развитія отражается въ сознаніи, какъ понятіе авторитарной причинности: причина—больше дѣйствія. На второй стадіи, созерцательно-материалистической, рождается понятіе естественной причинности: причина тѣсно связана съ дѣйствіемъ. На третьей стадіи, дѣятельно-материалистической, новый типъ причинности, творческая причинность. Если будетъ ясно—что такое творческая причинность, станетъ яснымъ и творческій характеръ опыта, характеръ хозяйства. Творческая причинность и тѣни общаго не имѣетъ съ творческой причинностью хотя бы Л. М. Лопатина. Сущность ея—выражена давно, еще схоластиками. *Causa aequat effectum*—причина равна дѣйствію. Это—голосъ всякой научной философіи, это—душа науки. Превращеніе энергии—какъ бы отобразъ современнаго экономическаго строя, машиннаго производства: все можетъ быть всѣмъ, какъ однозначное, какъ вещное, т. е. какъ мертвое. По своей природѣ, бытіе, хозяйство—сложныя машины. Живой опытъ, трудъ—какъ трудъ надъ вещами и для вещей, какъ трудъ—не знающей личности—онтологически самоубійство, убійство жизни. Отсюда, сознаніе, какъ отобразъ бытія—тоже сложная машина, тоже—лишь орудіе вещей, рабъ вещей,—тоже самоубійство и убійство жизни.

Если въ діалектическомъ материализмѣ метафизика вещи—явная, и отсюда—борьба съ гносеологіей, то въ эмпириомонизмѣ метафизика вещи—тайная, замаскированная гносеологіей. И „Философія живого опыта“,—какъ жизни, бытія, на самомъ дѣлѣ оказывается философіей опыта,—какъ знанія, и знанія—отобраза уголка жизни, опредѣленно истолкованнаго хозяйства. „Философія живого опыта“—оказывается обычной формой гносеологіи, питающейся метафизикою вещи. Такъ призывъ къ расширенію гносеологіи, сознанія на счетъ бытія, опьяненіе живымъ опытомъ—лишь слова-идолы, въ лучшемъ случаѣ—невнятно-лепечущія...

С. Голованенко.